
Алёна Орлова
Джейн Лувако
Недоразумения в академии, или жених под кроватью

Джейн Лувако

Недоразумения в академии или жених под кроватью

https://litres.ru/74786577
SelfPub; 2026

Аннотация

Сбежав от старого вдовца,
Графиня скрылась под чужою маской.
Но встретила магистра-гордеца,
Чьей оказалась «суженой» по сказке.
Будь под кроватью больше места,
А в гардеробе — меньше дыр,
Была бы тихой жизнь невесты
Но превратился в фарс сей мир!

Правила выживания для беглой графини в Магической академии:

1. Никогда не кради личность убитой аристократки, о которой ты ничего не знаешь.

2. Не влюбляйся в сурового магистра, который на поверку может оказаться «твоим» женихом.

3. Если в твою комнату одновременно нагрянули ревнивые соперницы, бывшие любовники и строгие проверяющие — срочно запихивай всех в гардероб и под кровать!

Легкая комедия ошибок, полная магии, абсурдных случайностей и настоящей любви, которая обязательно расставит всё по своим местам.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 23
Глава 3 37
Глава 4 55
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Недоразумения в академии или жених под кроватью

Глава 1

Каблучки Лизаветы яростно стучали по потёртому паркету, а в ушах всё ещё звенел громогласный контральто тётушки Клары:

— Немедленно вернись в гостиную, неблагодарная девчонка, и поставь свою закорючку на брачном договоре! Счастье само плывёт к тебе в руки, а ты нос воротишь!

Лиза неслась по узкому коридору второго этажа, решительно игнорируя три любопытных носа, синхронно высунувшихся из приоткрытых дверей соседних спален. Двоюродные сестрицы, в чьих глазах читалась смесь искреннего сочувствия и предвкушения знатного домашнего скандала, так и остались стоять с разинутыми ртами, ибо Лиза даже не притормозила. Влетев в свою спаленку, она с таким чувством грохнула дверью, что со стены едва не осыпалась штукатурка, лязгнула тяжёлой кованой щеколдой и в совершенно растрёпанных чувствах плюхнулась ничком на кровать. Уткнувшись лицом в подушку, восемнадцатилетняя графиня Лизавета Грувэ тихо застонала.

Нет, справедливости ради стоило признать: тётя Клара не была злодейкой из страшных сказок. Родная сестра матушки, забрала двенадцатилетнюю Лизу в свой весьма скромный по доходам, но шумный и тёплый дом, когда шесть лет назад родители девочки трагически погибли. Имея на руках троих собственных дочерей, тётка никогда не делила племянницу и родных чад, растила Лизу в любви и даже прощала небольшие прегрешения. Тётушка искренне желала сироте добра. Просто представления о «добре» у умудрённой жизнью матроны и у юной, пылкой особы кардинально разнились.

Лизавета перевернулась на спину, сердито сдула со лба выбившуюся тёмно-русую прядь и уставилась в потолок. Ну как, скажите на милость, любящая родственница могла осчастливить её браком с их соседом, бароном фон Шишк?! Жених пребывал в столь преклонных летах, что, казалось, после того как он проходит, остаётся дорожка из песка, страдал подагрой, глухотой на левое ухо и полным отсутствием как наследников, так и какой-либо родни. Холодным рассудком Лиза, конечно, понимала: партия блестящая. Титул, обширные угодья, сундуки с золотом — и всё это великолепие после неизбежного и, вероятнее всего, скорого отхода супруга в мир иной останется безутешной юной вдове.

Но то рассудок! А горячее восемнадцатилетнее сердце и мятежная душа категорически восставали против перспективы становиться Шишкой. Лизавета хотела трепета, стра-

сти, большой и чистой любви!

Решительно свесившись с кровати, девушка выудила оттуда заветную жестяную коробку из-под имбирного печенья. Щёлкнув крышкой, Лиза бережно, словно величайшую реликвию, извлекла пухлую стопку писем, перетянутую алой шёлковой лентой.

Ах, прошлое лето!.. Тогда в их сонный провинциальный городок на обязательную практику прибыл он — Юрак Зырич, блестящий (во всяком случае, так он сам утверждал) адепт Магической академии. Высокий, светловолосый, с вечно закатанными рукавами форменного камзола и такой обезоруживающей улыбкой, от которой у местных барышень сносило голову. Но он видел только её, Лизу. Полтора месяца пролетели как один миг счастья! Прогулки у старой мельницы, украдкой сорванные поцелуи в беседке, пылкие клятвы под луной… Юрак говорил так красиво, так вдохновенно обещал, что вернётся за ней, едва получит диплом или хотя бы перейдёт на следующий курс! Потом он уехал, оставив Лизе надежду и письма, приходившие всё реже и реже. Теперь он писал не о любви, а жаловался на строгих профессоров. Кузины с жалостью смотрели на Лизу и шептались, что магик бросил её.

Девушка прижала письма к груди. В душе кольнул страх — остаться одной, оказаться обманутой, ненужной... И что же, теперь она должна предать любовь, забыть Юрака и покорно идти под венец с мешком денег?!

— Ну уж нет! — прошептала Лиза, и её зелёные глаза сверкнули опасным огнём.

Решение созрело мгновенно: она поедет в Магическую академию и найдёт своего Юрака, с которым будет счастлива всю жизнь. Сборы были стремительными. В извлечённый из шкафа чемодан, с которым она приехала в дом тёти, полетели платья, бельё, запасные башмачки, личные документы и, конечно же, жестянка с письмами. Следом отправилась бархатная шкатулка с матушкиными драгоценностями — единственным её законным наследством — и заветный мешочек с наличными золотыми, которые Лиза копила на случай «великой нужды». Нужда наступила! Этой суммы должно было хватить на дорогу до академии.

Самым мучительным оказалось ожидание. Лиза металась по комнате от окна к двери, прислушиваясь к тому, как постепенно затихает дом. Наконец, когда старые напольные часы в холле пробили полночь, наступила густая сонная тишина.

Лизавета, облачённая в тёмный дорожный плащ, распахнула створки окна второго этажа. Ночь встретила её прохладным ветром и запахом осенней листвы. Примерившись, она вытолкнула чемодан наружу и только потом испугалась, что он может разбиться от удара, а все вещи окажутся на земле. Но замок выдержал, и Лиза облегчённо выдохнула.

— Теперь главное — не разбиться, — прошептала беглянка, примериваясь к выступам на стене и оплетающим её

лозам плюща.

Перекинув ногу через подоконник, графиня Грувэ ухватилась за водосточную трубу и выбралась наружу, мёртвой хваткой вцепившись второй рукой в плети дикого плюща. И даже обрадовалась: оказывается, не всё так страшно! Шальная улыбка победительницы померкла, когда труба предательски застонала, отгибаясь от кирпичной кладки. А когда вековой плющ с хрустом оборвался, девушка лишь испуганно пискнула: «Мамочка!» — и полетела вниз.

Юбка зацепилась за какой-то гвоздь, рывком остановив падение. Лиза беспомощно повисла вдоль стены, как пойманная за шкирку кошка. Но не успела она выдохнуть и обрадоваться чудесному спасению, как ткань не выдержала. С издевательским треском подол пошёл по шву, и остаток пути Лизавета пролетела, словно сброшенный с телеги куль с мукой, смачно приземлившись прямо в тётушкину клумбу.

Быстро вскочив на дрожащие ноги и выплюнув прилипший к губе листик, она судорожно себя ощупала. Кости целы, порван только край юбки — потом зашьёт! Подхватив неподъёмный чемодан и согнувшись под его тяжестью в три погибели, беглянка припустила к калитке.

До соседней улицы, где располагался постоялый двор с извозчиками, Лиза тащила свою поклажу с маниакальным упорством, едва ли не оставляя за собой борозду на пыльной дороге. К тому моменту, как она сторговалась с сонным кучером — мужиком обстоятельным, с окладистой бородой и

хитрым прищуром, но падким на звонкую монету, — у неё руки, казалось, вытянулись до самых колен. Карету удалось нанять на весь путь до са́мой Академии, и это было единственным, что удержало Лизу от желания лечь спать прямо на булыжной мостовой.

Первые три дня путешествия слились в один сплошной, пьянящий праздник свободы. Карета мерно покачивалась на ухабах, за окном мелькали золочёные осенью рощи и уютные деревушки, а Лизавета пребывала в состоянии абсолютной, незамутнённой эйфории. Упиваясь собственной дерзостью, она часами грезила наяву, в лицах и красках рисуя грядущую встречу с Юраком. Сценарии в её воображении менялись с калейдоскопической быстротой. То она видела, как входит в величественный зал Академии, залитый светом магических люстр, Юрак роняет перо, бледнеет, бросается к ней через ряды изумлённых адептов, падает на одно колено… То встреча происходила в тенистом парке под шелест листопада: он видит её, не верит своим глазам, шепчет её имя, стремительно преодолевает разделяющее их расстояние, заключает в железные объятия, прижимает к широкой груди и… А вот что именно следует за этим многообещающим «и», благовоспитанная, несмотря на всю свою взбалмошность, барышня додумывать стеснялась, отчего всякий раз густо краснела и начинала обмахиваться платочком.

К концу третьего дня любовный угар слегка рассеялся, уступив место запоздалым уколам совести. Как ни крути, а

тётя Клара наверняка уже выпила все запасы успокоительного в доме. «Надобно черкнуть ей пару строк с ближайшей почтовой станции, — благодушно размышляла Лиза, входя в пропахший жареным луком и кислым пивом зал очередного придорожного трактира, где они остановились на ночлег, — мол, жива, здорова, устраиваю личное счастье, целую, ваша Лиза…»

Однако благим намерениям не суждено было сбыться. Едва девушка приблизилась к стойке трактирщика, как её взгляд наткнулся на доску объявлений, приколоченную к закопчённой стене. Среди извещений о пропаже пегой кобылы и продаже поросят красовался свежий, пахнущий типографской краской лист. С него на Лизавету взирала она сама — правда, художник явно польстил её носу, но совершенно безжалостно обошёлся с подбородком, сделав её похожей на сердитую сову. Аршинные буквы сверху гласили: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ! Сбежавшая из-под опеки девица Лизавета Грувэ. Нашедшему и доставившему к баронессе К. — щедрое вознаграждение!»

Лизавета так и застыла с открытым ртом, чувствуя, как по спине пробегает ледяной холодок. В душе тут же всколыхнулся праведный гнев. Вознаграждение?! Доставить, как куль с мукой или убежавшую болонку?! Злость на несносную, непробиваемую тётку вспыхнула с новой силой, окончательно испепелив остатки её раскаяния. Натянув капюшон плаща поглубже на глаза, Лиза гордо вздёрнула подбородок

и поклялась себе, что скорее поселится в лесной землянке и будет питаться кореньями, чем вернётся к тётке.

Утро четвёртого дня выдалось туманным и зябким. Пока Лизавета куталась в плащ на крыльце постоялого двора, к ней подошёл её возница.

— Такое дело, барышня, — начал он, почёсывая затылок. — До вашей, значится, академии ходу-то всего ничего осталось, к завтрашнему полудню поспеем. Да вот беда: последний перегон — чистое наказание. Тракт через Чёрный бор идёт, глухомань несусветная, ни тебе деревеньки, ни двора постоялого. Придётся заночевать в лесу.

Лизавета неуютно поёжилась, но виду не показала.

— Вы поэтому с тем господином у конюшни полчаса рядились? — проницательно прищурилась она.

— Точно так! — обрадовался сообразительности пассажирки кучер. — Туточки ещё одна карета до Академии катит, богатая, на рессорах. Мы с ихним возницей, стало быть, сговорились обозом идти. Вдвоём-то оно всяко веселее и не так боязно. Вы не подумайте чего, разбойников в тех краях с прошлой зимы не видали, маги их крепко проредили, а вот зверьё дикое шастает. Не ровён час, волк какой али медведь выйдет, лошадей перепугает, а то и задерёт. Гуртом-то мы от любого зверя кострами отмашемся! Как скажете, барышня? Поедем вместе?

Лизе, чьи мысли уже витали вокруг остроконечных башен заветной Академии, было глубоко безразлично, сколько ка-

рет будет скрипеть рядом, лишь бы двигаться вперёд.

— Делайте, как знаете, Сидор, только не мешкайте! — махнула она рукой и полезла в экипаж.

Дорога через лес и впрямь оказалась утомительной. Вековые ели смыкали свои мрачные кроны над узким трактом, почти не пропуская дневной свет, а корни деревьев то и дело норовили вытряхнуть из путников душу. К тому моменту, как оба экипажа наконец выбрались на небольшую, поросшую жухлой травой опушку и остановились на ночлег, время перевалило далеко за полночь. Круглая и бледная луна, безучастно взирала на то, как двое мужиков, кряхтя и ворча на всё на свете, распрягают лошадей и собирают хворост для большого костра.

Размяв затёкшие ноги, Лизавета с любопытством покосилась на второй экипаж — добротную тёмную карету без гербов, но явно недешёвую. Дверца той тихо отворилась, и на подножку ступила ножка в дорогих сапожках, а потом Лиза увидела хрупкую девичью фигуру, с головы до пят укутанную в глухое серое платье и тёмную пелерину. Даже руки незнакомки были спрятаны в строгие перчатки.

— Доброй ночи! — звонко и совершенно беззаботно приветствовала её Лиза, подходя ближе к разгорающемуся костру. — Какое счастье наконец-то выбраться из коробки на колёсах, правда? Меня Лизаветой зовут, можно просто Лиза. А вы тоже в Академию?

Девушка вздрогнула от громкого голоса Лизы, словно

вспугнутая лесная пташка, и робко подняла взгляд. В неверном свете пламени Лизавета разглядела бледное, почти прозрачное личико, огромные серые глаза и пепельные волосы, уложенные в такой тугой и безупречно гладкий пучок, что от одного взгляда на него у самой Лизы начинало ломить виски.

— Доброй ночи… — голос попутчицы оказался тихим, мелодичным и чуть прерывающимся, будто она отвыкла говорить вслух. Она сделала крошечный, идеально выверенный реверанс. — Очень рада знакомству. Моё имя — Элизабет Фрош.

— Надо же, мы почти тёзки! — восхитилась Лизавета, бесцеремонно усаживаясь на бревно, брошенное кучерами у огня, и хлопая ладонью по месту рядом с собой. — Садитесь скорее, Элизабет, здесь тепло, да и чай Сидор уже скоро приготовит!

Слово за слово, под мерное потрескивание сучьев и бульканье закипающей воды с лесными травами, между девушками завязалась беседа. Вернее, поначалу говорила в основном Лизавета — быстро, эмоционально, размахивая руками и то и дело поправляя сползающий с плеч плащ, в то время как Элизабет лишь вежливо кивала и робко улыбалась уголками губ. Однако искреннее дружелюбие и неуёмная жизненная энергия новой знакомой постепенно растопили лёд пансионной выучки, и тихая сероглазая мышка разговорилась.

Выяснилось удивительное сходство их судеб, словно специально так написанное высшим провидением, но с совер-

шенно разной долей. Элизабет Фрош тоже было восемнадцать лет, она тоже носила графский титул и точно так же была круглой сиротой. Вот только, в отличие от Лизы, любящей тётушки у неё не нашлось, а суровые опекуны с малых лет сдали наследницу в закрытый пансион для благородных девиц имени святой Урсулы.

— Там главное правило — молчание и абсолютное послушание, — тихо рассказывала Элизабет, осторожно сжимая в затянутых в перчатки пальцах жестяную кружку с дымящимся чаем. Она сидела с идеально прямой спиной, даже на кривом лесном бревне, сохраняя осанку королевы. — Подъём с рассветом, молитва, рукоделие, уроки хорошего тона… Нам даже смеяться громко запрещали, дабы не развивать дурных страстей.

— Какой ужас! — с искренним содроганием перебила Лиза, отхлёбывая обжигающий напиток. — Да я бы там на второй день с тоски взвыла или надзирательнице лягушку в кровать подложила! И как вы это вынесли?

— Привыкла, — с грустной, кроткой полуулыбкой вздохнула Элизабет. — Я ведь не знала другой жизни. Опекуны уже и жениха мне сыскали, какого-то важного столичного господина. Я его ни разу в глаза не видела, но нас заочно обручили. Должна была прямо из пансиона под венец идти… Даже возразить не смела, хотя внутри всё от страха холодело.

— Ох уж эти родственнички и опекуны! — возмущённо фыркнула Лизавета, чувствуя прилив горячей солидарности.

— Хлебом их не корми, дай только бедную девушку какому-нибудь незнакомцу на шею повесить! И как же вы вырвались?

В серых глазах Элизабет вдруг промелькнула странная, затаённая искра — то самое тихое упрямство, о котором не подозревали ни чопорные классные дамы, ни расчётливые опекуны.

— Случилось чудо, — едва слышно произнесла она, оглянувшись на извозчиков, которые в отдалении увлечённо резались в кости на пеньке. — Месяц назад на уроке каллиграфии меня так отчитали за кривую букву, что я… рассердилась. Впервые в жизни по-настоящему рассердилась. И моя чернильница взорвалась.

— Ого! — Лизавета от восторга едва не выплеснула чай себе на подол. — Настоящий магический выброс?!

— Да. Оказалось, во мне спал сильный стихийный дар. — Элизабет порозовела от смущения. — По законам королевства необученного мага с таким резервом нельзя выдавать замуж, пока он не научится контролировать силу, иначе в семейной жизни не оберёшься бытовых катастроф. Опекуны рвали и метали, жених, говорят, тоже был вне себя от ярости и даже пытался расторгнуть помолвку, но в итоге им пришлось выпустить меня из пансиона и отправить в Академию. Это мой единственный шанс… — она запнулась и совсем тихо добавила: — Мой шанс самóй увидеть мир и хоть немного пожить на свободе.

Порывшись в своей аккуратной дорожной сумочке, Элизабет с видом заговорщицы извлекла оттуда прелюбопытный предмет. Им оказались изящные очки в тонкой серебряной оправе, стёкла которых переливались в отсветах костра странным перламутровым сиянием.

— Мне их прислал поверенный перед отъездом, — пояс-

нила она, протягивая вещицу Лизе. — Это магический артефакт — окуляры истинного зрения. Мой дар пробудился слишком поздно и спонтанно, я ещё совсем не умею чувствовать магию сама, а через эти стёкла видны потоки силы. С ними гораздо легче осваивать плетения и удерживать контроль.

— Ух ты, какая диковинка! — с детским любопытством выдохнула Лизавета, повертев лёгкую оправу в руках и тут же, разумеется, водрузив очки себе на нос. Мир вокруг мгновенно изменился: ночной лес расцветился тонкими, едва заметными серебристыми нитями, от огня потянулись красные змейки огненной магии, а вокруг самой Элизабет обнаружилось плотное, мерцающее голубоватым светом облачко. — Красотища какая! Вы, Элизабет, в них светитесь, как рождественская ёлка!

Элизабет тихонько, мелодично рассмеялась — и этот смех так преобразил её бледное личико, что она сразу стала казаться живее. Лиза бережно вернула артефакт хозяйке, чувствуя, как к этой тихой, запуганной девушке просыпается тёплая, почти сестринская нежность.

Ночной холод постепенно пробирался под плащи, а из чащи то и дело доносились подозрительные шорохи, заставлявшие обеих путешественниц невольно придвигаться ближе друг к другу. Когда кучерá объявили, что пора на боковую, расставаться девушкам не захотелось. Да и, признаться честно, ночевать в одиночку посреди мрачного Чёрного бо-

ра было жутковато как робкой Элизабет, так и храбрящейся Лизавете.

— Перебирайтесь ко мне, Лиза, — предложила графиня Фрош, когда они подошли к экипажам. — Моя карета просторная, диваны там раскладываются на два удобных спальных места, и есть тёплые меховые пледы. Вдвоём нам будет гораздо спокойнее.

Лизавета с радостью согласилась. Забравшись в мягкое, обитое бархатом нутро кареты Элизабет и укутавшись до самых носов в пушистые покрывала, девушки ещё долго шептались в темноте, делясь девичьими страхами и надеждами на новую академическую жизнь, пока усталость наконец не смежила им веки.

Сморивший их сон оказался тревожным и недолгим. Тишину предрассветного леса разорвал чудовищный, леденящий душу грохот. Карету тряхнуло так, словно на неё налетел кто-то очень большой и злой. Лизавета с визгом скатилась с дивана на пол, запутавшись в меховом пледе. Снаружи, перекрывая испуганное ржание обезумевших лошадей, неслись яростные, полные ужаса крики Сидора и второго возницы, грубая брань чужих голосов и зловещий, ни с чем не сравнимый лязг скрестившейся стали.

— Что… это?! — в панике прошептала побелевшая Элизабет, прижимаясь к стенке экипажа.

Ответа не потребовалось. За занавешенным окном что-то ослепительно полыхнуло багровым светом, грохнул оглу-

шительный магический взрыв, от которого стёкла кареты со звоном разлетелись вдребезги, осыпав девушек осколками, и в ночное небо с гулом взметнулись жадные языки пламени, пожирая соседнюю карету. На стоянку напали, и это явно были не лесные волки.

Глава 2

Второй взрыв подбросил карету ещё выше, и колёса со стуком ударились о корни. Лизавета забилась на полу, пытаясь выбраться из пленившего её пледа. Мех лез в рот, слепил глаза, пальцы скользили по гладкой подкладке, не находя края, а мозг в панике не находил решения проблемы.

Элизабет же, потеряв от ужаса всякое представление о пансионной выдержке, рванулась наружу, спеша убежать как можно дальше от опасности. Обитое бархатом нутро кареты казалось ей тесной западнёй, из которой следовало спастись как можно скорее. И графиня Фрош, чудом не наступив башмачком на бьющуюся в мехах Лизу, с силой толкнула дверцу.

В тот же миг воздух расколол третий удар. Экипаж качнуло, и Лиза сумела высвободить из пледа голову. Жадно хватая ртом горький дым, она с ужасом смотрела, как Элизабет пытается выбраться на волю. Вдруг что-то коротко, противно свистнуло, и девушка жутко захрипела.

Это зрелище оказалось настолько страшным, что Лизавета, не помня как, смогла сбросить осточертевшую шкуру. Вскинув голову, она успела заметить, как её новая приятельница, странно взмахнув руками в строгих перчатках, медленно оседает с подножки на жухлую траву. Ругаясь про себя, что попутчица так не вовремя потеряла сознание, Лиза

кинулась к выходу, протягивая руки, чтобы подхватить её.

— Элизабет!

Но замерла на пороге. Через поляну, перемахивая через кусты и наваленные ветки, огромными прыжками, прямо к ней неслась чёрная фигура с занесённым мечом. Багровые отсветы пожара скользнули по стали. Взвизгнув, Лизавета отпрянула от входа и на четвереньках попятилась вглубь кареты, к противоположной дверце. В голове билась только одна мысль — сбежать от этого ужаса как можно дальше. Подвывая от страха, она лихорадочно дёргала бронзовую ручку и била ладонью по расщеплённому дереву. Но дверь, перекосившуюся от взрывов, заело намертво, и она не поддавалась слабым попыткам её открыть.

Ободранная кожа на ладонях саднила, а себя и свою жизнь было жалко до слёз. Когда Лизавета оглянулась, в проёме двери уже вырос нападавший. Крик ужаса застрял в пересохшем горле беглянки. Над ней нависал широкоплечий детина с перекошенным от ярости лицом, затянутый в тёмные одеяния. В дамских романах, коими зачитывались кузины, утверждалось, будто перед лицом гибели вся прóжитая жизнь проносится перед внутренним взором. Ничего подобного не случилось. В голове графини Грувэ стояла гулкая, звенящая пустота. Она даже не успела пожалеть о том, что не осталась в тёткиной гостиной и не подписала брачный договор со стариком фон Шишком. Лизавета просто вжалась спиной в заклинившую дверцу, глядя на занесённый клинок

и с неотвратимостью ожидая боли и конца.

Снаружи что-то неуловимо переменилось — стихли вопли, звон железа сменился короткими, хлёсткими ударами, — но Лиза этого не осознавала, не моргая глядя в глаза своей смерти. Она лишь изумлённо моргнула, когда злобная гримаса разбойника вдруг сменилась недоверчивым удивлением. Его лицо вытянулось, пальцы разжались, выпуская рукоять меча, который загрохотал по полу кареты, заставляя Лизу отползти ещё дальше. Не понимая, что происходит, девушка в шоке смотрела, как грузное тело нападавшего рухнуло под колёса, рядом с неподвижной Элизабет.

Место убийцы в дверном проёме занял другой мужчина — высокий, темноволосый, с сурово сдвинутыми бровями и проседью на висках. Его плащ дымился на плече, а тяжёлый взгляд быстро обежал разгромленное нутро кареты и замер на бледной, скорчившейся в углу девушке.

— С вами всё в порядке? — ровно спросил он.

Лизавета, не в силах выдавить ни звука, мелко закивала. Незнакомец принял ответ без лишних расспросов, развернулся и шагнул прочь, растворяясь в серой предрассветной мгле.

Девушке почудилось, что на выручку ей спустился сам небесный ангел. То обстоятельство, что вестник небес облачился не в положенные белые ризы, а в тёмный дорожный костюм, и смотрел при этом как сыч, её совершенно не смущало. В глазах спасённой барышни он был прекрасен. Слов-

но заворожённая, Лизавета подползла к выходу, ногой вытолкала из кареты меч и выглянула наружу, желая ещё хоть раз взглянуть на избавителя.

На опушке воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском горящего дерева. Нанятая Лизой карета обратилась в полыхающий костёр. В неровном свете огня девушка рассмотрела на траве тела нападавших в глухих тёмных куртках, как у того, что шёл за её жизнью. Взгляд девушки бесцельно скользил по ним, пока не наткнулся на Сидора. Мужчина, раскинув руки, лежал чуть в стороне, и его открытые глаза мёртво смотрели в ночное небо. Из груди Лизаветы вырвался судорожный вздох, перешедший в короткий всхлип. Она знала его без малого четыре дня, совершенно не замечая и витая в своих мыслях, но сейчас вид мёртвого возницы резанул по самому сердцу.

Тем временем темноволосый спаситель стоял у края леса рядом с уцелевшим кучером Элизабет, перевязывавшим рассечённое предплечье.

— Поезжайте прямо по тракту, не сворачивая, — донёсся до Лизы спокойный, низкий голос. — До Академии не больше часа ходу. Сопроводить вас не могу, меня ждут, а я и так задержался в дороге. Вам больше ничего не угрожает. Из нападавших никто не ушёл, а звери от такого шума и огня разбежались.

Он шагнул к крупному вороному коню, переступавшему копытами у сосны, но перед тем как вдеть сапог в стремя,

обернулся к карете. Их взгляды встретились сквозь дымное марево от горящей кареты, и Лизавету будто пронзило грозовым разрядом. Ей даже показалось, что волосы встали дыбом, а от наэлектризованного воздуха пахнуло озоном. Мужчина легко взлетел в седло, тронул поводья, и вскоре цокот копыт затих среди вековых елей.

Лиза всё ещё смотрела ему вслед, когда к экипажу, припадая на левую ногу, подбежал возница — пожилой, крепко сбитый мужчина с седыми бакенбардами.

— Барышня! Вы живы? Не задели вас эти ироды?..

Договорить он не успел. Взгляд старика упал на девушку в сером платье, лежащую у подножки. На её груди расплывалось тёмное пятно. Слуга запнулся на полуслове, оступился о валявшийся меч и тяжело рухнул на колени рядом с Элизабет. Дрожащими, испачканными в саже пальцами коснулся тонкой шеи под кружевным воротничком, ища биение жилки, и замер. Плечи кучера согнулись, седая голова поникла, и по морщинистым щекам потекли слёзы.

— Девочка моя… Лизонька… — глухо застонал он, бережно прикрывая серые глаза госпожи. — Не уберёг… Да как же так…

Лизавета сжалась в комок на полу кареты, обхватив колени руками и натянув меховой плед до самого подбородка. Она уважала горе старика и старалась даже не шевелиться, хотя самóй хотелось плакать навзрыд. Да и что она могла сказать, какие подобрать слова? Уж точно не нелепое: «Прости-

те великодушно, что я осталась жива, а вашу госпожу убили». Слёзы сами собой покатились по её веснушчатым щекам. Лиза плакала беззвучно, уткнувшись лбом в коленки: выплёскивая боль и горечь о тихой воспитаннице пансиона, которая так радовалась глотку свободы и не дожила до рассвета; о бедняге Сидоре, оставшемся лежать в холодном бору; о матушкиных серьгах и последнем мешочке с золотом. Но горше всего было смотреть на охваченный пламенем остов кареты, где сейчас обращалась в пепел жестяная коробка из-под имбирного печенья, а вместе с ней — перевязанные алой лентой письма Юрака.

Однако долго предаваться скорби ей не дали. Старый кучер утёр глаза рукавом, тяжело опираясь о колено, поднялся и уставился на Лизавету неожиданно твёрдым взглядом.

— Выходите, барышня, — хрипло произнёс он. — Нам мешкать нельзя, пока на шум гарнизонные маги или дознаватели не явились. Меня, если что, Пахомом кличут.

Он помог дрожащей Лизе спуститься на землю, отвёл на шаг от тел и вдруг снова опустился перед ней на одно колено, схватив за край дорожного плаща.

— Христом-богом молю, госпожа… Спасите! Не дайте этим волкам восторжествовать! Назовитесь в Академии именем моей покойной голубушки, графиней Элизабет Фрош!

Лизавета отшатнулась, решив было, что старик тронулся умом от горя и ранения.

— Вы что такое говорите, Пахом?! — пролепетала она,

выдёргивая полу плаща. — Как можно?! Человек только что погиб, а я чужое имя да титул воровать стану? Да ни за какие коврижки!

— Не воровать, а справедливость прошу соблюсти! — горячо зашептал кучер, поднимаясь и заглядывая ей в лицо. — Вы думаете, это лесные разбойники на нас с кистенями выскочили? Чёрта с два! Наёмники это, профессионалы, за душой моей девочки присланные! Её ведь родственнички, опекуны проклятые, со свету сжили. Пока она тихой мышью в монастырском пансионе выживала, они её имениями да капиталами как своими вертели и все деньги себе в карман клали, а ей даже чёрствого пряника на праздники не присылали. А как открылся у Лизоньки дар, как велено было её в Академию везти — тут они и смекнули, что выйдет наследница из-под их указки, войдёт в силу и спросит за каждый украденный грош, да и выгонит из своего дома и со своих земель!

Пахом сжал кулаки, косясь на убитых в чёрном.

— Они всех старых слуг ещё десять лет назад из поместья рассчитали да выгнали, чтобы никто за сироту не заступился. Один я остался — при конюшне дурачком прикинулся, будто мне до господских дел нужды нет, а сам ей с пелёнок вместо няньки был, в пансион тайком гостинцы возил… Если сейчас откроется, что графиня Фрош мертва, всё — и земли, и родовой замок этим кровопийцам достанется! Они же на её костях плясать будут!

— Мне очень жаль вашу госпожу, — Лизавета покачала

головой, отступая к колесу, — и опекуны её — сущие чудовища, но это безумие! Меня в первый же день разоблачат и в кандалах в темницу отправят за самозванство!

— Кто разоблачит-то?! — не отступал Пахом. — Лизоньку с восьми лет за высокими стенами прятали! Её ни единая живая душа в лицо не помнит — ни опекуны, которые ни разу не навестили её, ни жених её наречённый! А монахиням нет никакого дела до мирских дел. Они выпустили голубку от себя и забыли о ней. Бумаги её, подорожная, свидетельство о даре — всё вот тут, при мне, в целости. И годами вы с ней ровесницы, и статью схожи…

— Нет, нет и нет! — отрезала Лизавета, хотя при упоминании сгоревших документов внутри неприятно похолодело. — Я графиня Грувэ, у меня своё имя имеется!

Старик прищурился, смерил её долгим взглядом и перешёл на вкрадчивый тон:

— Имеется, говорите? Только далеко ли вы с ним уедете, барышня? Покойный Сидор, царствие ему небесное, мужик был разговорчивый. Вчерась у костра, пока мы кости кидали, похвалялся, какую выгодную госпожу везёт — на деньги не поскупившуюся, дорогу втридорога оплатившую. Да и в трактире, в котором мы встретились, я не слепой был, портрет ваш приметный на стене заметил. Скоро ли за вами тётушкины ищейки в Академию нагрянут? А и без ищеек — с чем вы теперь на порог явитесь? Карета ваша дотла выгорела, ни гроша медного, ни бумажки единой за душой не оста-

лось. Чем за обучение платить будете? А у Лизоньки обучение оплачено за все года. А вот вы, когда не примут, куда подадитесь? Обратно к родственникам на поклон с виноватым видом?

Лизавета открыла было рот для гневной отповеди, но слова застряли на языке. Она перевела взгляд на полыхающий костёр, бывший полчаса назад её экипажем, потом на тёмный лес. Денег нет. Документов нет. Если она назовёт в приёмной комиссии своё настоящее имя, ректорат в два счёта свяжется с опекуншей, и не пройдёт недели, как торжествующая тётя Клара лично потащит её под венец с полуглухим бароном. А Юрак? Как она найдёт Юрака, если её даже на порог учебного корпуса не пустят без бумаг?!

В то же время под именем никому не известной воспитанницы пансиона Фрош тётка не сыщет её и с королевскими сыщиками.

— Но… как же Элизабет? — уже гораздо тише спросила Лиза, чувствуя, как упрямство вступает в сделку с собственным страхом.

— О том моя забота, — глухо отозвался Пахом. — Упокоим голубушку, как велит нужда. Для всех, кто сюда прискачет, в огне погибла сбежавшая девица Грувэ вместе со своим возницей. Дознаватели косточки соберут да тётушке вашей весть отпишут — искать вас враз перестанут, да и земле честь по чести предадут.

От циничной простоты этого плана Лизавету передёрну-

ло, но возразить было нечего. Она молча, с побелевшими губами, кивнула.

Пока Пахом, крестясь и шепча молитвы, относил тело своей воспитанницы к пылающим обломкам кареты и забрасывал сверху сухим валежником, чтобы огонь скрыл следы подмены, Лизавета забралась обратно в уцелевшую карету. На сиденье, среди мелких осколков стекла, тускло блеснула аккуратная дорожная сумочка Элизабет. Дрожащими пальцами Лиза расстегнула замочек и вынула оттуда серебряные окуляры истинного зрения.

Сжав в руке холодный металл артефакта, она бессильно откинулась на спинку сиденья. Вскоре снаружи послышалась возня, Пахом торопливо впрягал в постромки уцелевших лошадей.

Когда тяжёлая карета наконец тронулась прочь от страшной поляны, слёз на глазах девушки уже не было. В призрачном свете наступающего утра в сторону Магической академии вместо бесприданницы Лизаветы Грувэ выехала наследница древнего рода Элизабет Фрош. Прижимая к груди чужие магические очки, новоиспечённая адептка глядела в разбитое окно на светлеющее небо и мысленно клялась тихой пепельноволосой попутчице, что ни за что на свете не позволит проклятым опекунам завладеть её наследством.

Под мерный стук колёс напряжение немного отпустило, и Лиза сама не заметила, как погрузилась в тяжёлое, мрачное оцепенение. Поэтому, когда карета резко встала, девуш-

ка испуганно вздрогнула. Выглянув в проём выбитого окна, где на раме ещё торчали редкие стеклянные зубья, она уставилась в спину возницы.

— Что случилось? Опять?..

Старый кучер грузно слез с козёл, кряхтя, размял поясницу и успокаивающе махнул здоровой рукой.

— Тихо всё, барышня. Просто до Академии уже рукой подать — вон за тем пролеском ворота покажутся. А тут ручей лесной как раз кстати подвернулся. Надобно вам, стало быть, в порядок себя привести, личико от сажи умыть да переодеться. Негоже графине Фрош являться в таком виде, будто она в грязи валялась.

Лиза машинально коснулась щеки и с удивлением обнаружила на пальцах жирную чёрную копоть. Подол платья зиял прорехой, полученной ещё во время побега, а к плащу прилип репейник вперемежку с какой-то лесной трухой. Но не это заставило её замереть. Мысль, что придётся облачиться в платья погибшей попутчицы, отчего-то раньше не приходила ей в голову, и теперь внутри всё неприятно похолодело. Одно дело — назваться чужим именем ради спасения девичьей свободы и восстановления высшей справедливости, и совсем другое — надевать на себя вещи девушки, чья душа едва успела отлететь к небесам.

На лице Лизы отразилось такое красноречивое смятение, что Пахом, уже отвязывавший с запяток пузатые кофры, поспешил её образумить:

— Вы, барышня, дурного-то в голову не берите и не брезгуйте. Одежда вся новая, муха не сидела! Ни разу не надёванная. В пансионе святой Урсулы ведь порядки строгие, монастырские: девицам велено ходить исключительно в казённых рясах, а при выпуске оные обратно кастелянше сдать под расписку. Так что всё это добро только перед самым отъездом из лавки доставили.

Лиза сглотнула комок в горле и слабо кивнула. Выбирать, действительно, не приходилось: её собственный чемодан сгорел на лесной поляне. Спустившись на землю, она первым делом сбе́гала к ручью. Ледяная ключевая вода обожгла кожу, но смыла и копоть, и следы ночных слёз, и липкий дурман пережитого ужаса, вернув мыслям былую ясность.

Когда девушка вернулась к экипажу, Пахом уже распахнул чемоданы. Лизавета рассмотрела ворох аккуратно сложенной ткани и с тоской прикусила губу. Одно за другим она доставала платья всевозможных оттенков серого: мышиного, свинцового, цвета мокрого булыжника и предгрозовой тучи. Фасоны поражали воображение своим пуританским единообразием: глухие воротники-стойки под самый подбородок, длинные рукава с узкими манжетами, никаких тебе оборок, вышивки или хотя бы небольшого кокетливого выреза. Унылая одежда, в которой только покаянные псалмы петь.

— М-да… — только и смогла выдавить из себя Лиза, рассматривая очередной образчик траурного одеяния. — Весёленький ситчик.

— Так ведь опекуны прокля́тые, — виновато вздохнул Пахом, стоя у открытой дверцы и переминаясь с ноги на ногу, — не пожелали сами сироте гардероб справлять. Переслали деньги хозяйке пансиона, а уж та, старая ханжа, расстаралась по своему разумению, чтоб, значит, скромно и богоугодно… Впрочем, погодите-ка, барышня! Есть тут одна вещица!

Старик с воодушевлением откинул крышку второго, меньшего чемодана. Там, среди белья и чулок, покоилось нечто совершенно невообразимое. Лизавета осторожно потянула за край и извлекла наружу пышное, как взбитые сливки, бальное платье нежно-зелёного шёлка, сплошь расшитое серебряными нитями и бисером.

— Это я сам тайком у модистки заказал на свои кровные, — с гордостью и затаённой грустью пояснил возница. — Подумал: ну как же моя голубка в столичную жизнь войдёт да без единого нарядного платья? В Академии ведь и балы дают, и праздники всякие…

Лиза бережно погладила невесомый шёлк. Платье было поистине королевским, но явиться в этаком великолепии на вступительное собеседование означало бы расписаться в собственном скудоумии.

— Спасибо вам, Пахом. Оно чудесное, я его обязательно сохраню для особого случая, — мягко сказала девушка и с обречённым вздохом потянулась к серому сукну. — А пока придётся побыть мышью.

Следующие четверть часа ушли на преображение. К сча-

стью, они с покойной Элизабет действительно оказались почти одной комплекции, разве что в груди строгий лиф сел чуть плотнее, чем задумывала монастырская портниха. Гораздо больше мучений доставили волосы. Привыкшая к свободным причёскам, Лиза с тихим шипением пыталась соорудить на затылке гладкий пучок, как у Элизабет. Шпильки кололи пальцы и норовили выскользнуть, пряди бунтовали, но упрямства графине Грувэ было не занимать. Завершили образ глухие нитяные перчатки, скрывшие ободранные в ночной суматохе ладони.

Чтобы увериться, что нигде нет нареканий в одежде, Лиза вышла к Пахому, ожидавшему её по другую сторону кареты. Возница уставился на чинно сложившую руки у пояса и опустившую ресницы девушку и вдруг судорожно всхлипнул. В его глазах блеснули непрошеные слёзы.

— Вылитая… — прошептал он, поспешно отворачиваясь и утирая глаза.

Глава 3

Величественные кованые ворота Магической академии встретили их строгим пропускным постом. Двое дюжих охранников в синих форменных камзолах равнодушно указали направление:

— Поступающие следуют пешим порядком по главной аллее до Административного корпуса. Вон то здание с колоннами и шпилем. Экипажи и челядь направляются на хозяйственный двор слева. Ежели барышню зачислят, вознице дозволено подвезти чемоданы к женскому общежитию и донести до комнаты.

Распрощавшись с Пахомом, Лиза с документами Элизабет Фрош решительно направилась навстречу своей судьбе. Чтобы её уж точно было невозможно узнать по тётушкиным розыскным портретам, она водрузила на нос серебряные окуляры истинного зрения, рассудив, что в очках будет выглядеть солиднее.

Сердце в груди бешено стучало, но вовсе не от страха перед тем, что её ожидает. Лиза наконец достигла главной цели своего побега. И здесь! Был! Юрак!

Брусчатая аллея с вековыми клёнами, кишела народом: сновали важные старшекурсники, степенно шествовали магистры, испуганно оглядывались по сторонам поступающие. Лизавета шла, вертя головой и стараясь не упустить ничего

из виду. Сквозь перламутровые стёкла артефакта вся эта суетливая толпа переливалась разноцветными всполохами аур, отчего в глазах быстро начало рябить, но девушка упорно высматривала в калейдоскопе чужих лиц одну-единственную светловолосую макушку и знакомую обезоруживающую улыбку. Но увы…

Какой-то долговязый адепт с охапкой свитков едва не сбил её с ног, буркнув на ходу: «Смотри под ноги, серость!», а стайка разодетых в пух и прах девиц проводила её унылый наряд откровенными смешками. Так, в бесплодных поисках и лёгком разочаровании Лизавета добралась до массивных дубовых дверей Административного корпуса и влилась в гудящую очередь абитуриентов.

Ожидание в душном коридоре тянулось невыносимо долго, но, когда из-за высокой двери раздался зычный голос секретаря, выкликающий её новое имя, Лиза испугалась. Переступив порог просторного зала, она оробела ещё больше. В центре помещения стоял длинный, крытый синим сукном стол, за которым сидели пять магистров в расшитых золотом мантиях. Посередине расположился сам ректор Академии — благообразный седовласый старец с окладистой бородой и проницательным взглядом из-под кустистых бровей.

Приблизившись на ватных ногах, Лиза сделала книксен, вспомнив уроки хороших манер, и молча положила папку с документами на стол. Бумаги с тихим шелестом пошли по рукам.

— Что ж, графиня Фрош, — нарушил тишину ректор, благожелательно поглядывая на девушку, — бумаги в полном порядке. Свидетельство о пробуждении дара заверено окружным магистром, прошение от ваших опекунов получено, а плата за обучение внесена вперёд за все пять курсов. Весьма похвальная предусмотрительность. Полагаю, мы можем поздравить вас с зачислением на первый…

— Прошу прощения, господин ректор! — скрипучим голосом перебил его сидящий с самого края невероятно худой маг с землистым лицом, острым крючковатым носом и выражением хронического несварения желудка на лице. — Я бы настоятельно рекомендовал провести повторное измерение потенциала абитуриентки здесь и сейчас.

Лизавета под своим серым платьем мгновенно покрылась холодным потом. Повторное измерение?! Но у неё же нет никакой магии! Тётушка, когда приглашала магистра своим дочерям, проверила и её! И результат у всех четверых был отрицательным.

— Помилуйте, магистр Кверч, к чему эта волокита? — поморщился грузный преподаватель по правую руку от ректора. — Дар зафиксирован после спонтанного выброса в пансионе святой Урсулы. Какой резон сомневаться в казённой бумаге?

— А такой резон, коллега, — жёлчно прищурился худой маг, буравя Лизу подозрительным взглядом, — что провинциальные писари за мзду малую готовы и табуретке припи-

сать резерв боевого архимага! Поглядите на неё: девица в окулярах коррекции. Значит, сама потоков не чует. Пусть приложит руку к магометру. Минутное дело, и устав соблюдён.

Ректор вздохнул, но спорить с буквоедом не стал и мягко указал ладонью на массивный медный прибор, стоявший на отдельной тумбе. Увенчанный мутным хрустальным шаром и снабжённый круглой шкалой с делениями, артефакт был Лизе знаком.

— Прошу вас, леди Фрош. Снимите перчатку и коснитесь сферы.

В ушах Лизаветы зашумела кровь, а пол под ногами предательски качнулся. Вот и всё. Сейчас подмена раскроется. А дальше что, тюрьма? Или её отправят к тёте Кларе, что в данных обстоятельствах было примерно одним и тем же? Не помня себя от страха и чувствуя, что ещё секунда, и она рухнет в обморок, Лиза непослушными пальцами стянула серую перчатку и обречённо положила ладонь на холодный хрусталь.

Внутри сферы что-то тихо звякнуло. Под ладонью вдруг разлилось странное, щекочущее тепло, будто по коже пробежал лёгкий сквознячок, и Лиза удивлённо увидела, как внутри мутного шара заклубился густой серебристо-голубой туман, а тонкая воронёная стрелка на циферблате бодро дёрнулась на несколько делений!

— Стихийная магия, чистый воздух, — удовлетворённо

пробасил грузный маг, одобрительно поглядывая на шкалу. — Ну что, Кверч, довольны?

Лиза, забыв, как дышать, не могла поверить в происходящее. Магия?! У неё?! Неужели этот злосчастный прибор сломался? Но сквозь стёкла очков она отчётливо видела, как прямо из её собственных пальцев в хрусталь струятся тонкие, искрящиеся голубоватые ручейки!

Однако торжествовать оказалось рано. Не успела на губах девушки расцвести робкая улыбка спасения, как несносный магистр Кверч снова подал свой скрипучий голос:

— Доволен ли я? Отнюдь! Взгляните в аттестат, господа! Там чёрным по белому написано: «потенциал второй ступени, высший эшелон». А на приборе что? Стрелка едва дотягивает до нижней границы четвёртой! Разница колоссальная! Либо перед нами вопиющая фальсификация документов, либо…

В груди Лизы снова всё оборвалось, и паника накатила с удвоенной силой. Ох уж этот глазастый сморчок!

— Либо адептка пережила сильнейшее нервное потрясение и частичное выгорание каналов, — веско произнёс ректор, поднимая руку и пресекая назревающий спор. Он внимательно, поверх сцепленных пальцев, посмотрел на бледную как полотно девушку. — Скажите, дитя… Нам на рассвете доложили гарнизонные патрули, что в Чёрном бору нынче ночью нашли следы жестокой схватки и сгоревший экипаж. Это, случайно, не на ваш обоз напали в лесу?

Лиза, у которой от всех этих эмоциональных качелей совершенно отнялся язык, лишь судорожно кивнула, чувствуя, что даже изображать испуг не требуется — её трясло вполне натурально.

— Что ж, это многое объясняет, — сочувственно покачал седой головой глава Академии. — После подобного кошмара удивительно, что ваш необученный дар, вообще, отзывается на проверку, а не заблокировался намертво. Ступайте пока в коридор, голубушка, подождите за дверью. Нам с коллегами необходимо посовещаться и решить, к какому факультету и наставнику вас определить при таких обстоятельствах.

Выйдя в коридор, Лиза прислонилась спиной к прохладной стене, переводя дух. Толпа поступающих в коридоре заметно поредела. Не находя успокоения, девушка нервно теребила снятую перчатку. В голове творился полный кавардак: у неё есть магия! Настоящая! И её не разоблачили! Оставалось лишь надеяться, что этот жёлчный Кверч не убедит комиссию отправить её восвояси.

— Лиза?.. — вдруг раздался за спиной растерянный, до боли знакомый голос. — Это ты?! А что ты здесь делаешь?!

Не веря своим ушам, Лизавета стремительно обернулась. В двух шагах от неё, прижимая к боку стопку пухлых фолиантов, стоял Он, Юрак Зырич. Высокий, статный, с непокорными светлыми вихрами и в неизменном форменном камзоле с небрежно закатанными до локтей рукавами.

В одночасье забыв и про конспирацию, и про образ заби-

той монастырской мышки, и даже про дурацкие окуляры на носу, Лизавета с радостным вскриком: «Юрак!» — бросилась к возлюбленному и повисла у него на шее, едва не выбив из рук книги.

От переполнявшего её восторга девушка совершенно не заметила, как с лица молодого человека сползла всякая краска, а в голубых глазах вместо обещанного в мечтах безумного счастья отразилась паника. Взгляд Юрака судорожно зашарил по коридору, проверяя, нет ли поблизости лишних свидетелей, и с весьма далёкой от романтики поспешностью он принялся отцеплять от себя крепкие девичьи ручки.

— Тише ты, тише! — шипел он, пятясь и увлекая её в нишу за мраморной колонной. — Ты с ума сошла?! Какими судьбами ты тут очутилась? И что это на тебе за балахон монашеский? А очки зачем нацепила?

— Ах, Юрак, это такая длинная и страшная история! — затараторила Лиза, преданно заглядывая ему в лицо и не замечая, как он лихорадочно пытается отодвинуться подальше. — Тётя Клара вздумала выдать меня замуж за старого барона фон Шишка! Представляешь, того самого, у которого подагра и песок сыплется! Но я же не могла предать нашу любовь, поэтому ночью сбежала через окно и приехала к тебе! И вот я здесь, я поступила, и теперь мы будем вместе каждый день! Правда, здорово?!

С каждым её словом физиономия Юрака вытягивалась всё больше, приобретая синюшный оттенок. Перспектива получить на руки сбежавшую из-под венца провинциальную графиню, которая всерьёз поверила его летнему трёпу, явно не входила в планы третьекурсника.

— Здорово?! — тонким, сорвавшимся голосом переспросил он и тут же напустил на себя выражение глубочайшей, трагической скорби. — Да ты с ума сошла! Ты даже не представляешь, какую роковую ошибку совершила! Ты поступила на первый курс?

— Ну да, вот сейчас решение вынесут на какой факультет… А что такое? Ты не рад? — улыбка Лизы слегка померкла, а в груди неприятно кольнуло. — Летом ты был куда смелее.

— Я смелый тогда, когда нужно. Быть смелым — это ещё не значит, что нужно специально искать неприятности. Нет, я, конечно, безумно счастлив видеть тебя! — горячо зашептал Юрак, вдохновенно прижимая свободную руку к сердцу, но при этом не забывая коситься на лестницу и не давая себя обнимать. — Но ты не знаешь здешних законов! В Академии строжайший устав! Преподавателям и старшекурсникам под страхом немедленного отчисления и магического трибунала запрещено крутить романы с первокурсницами! Считается… этим, как его… использованием служебного и возрастного превосходства!

— Да что ты говоришь?! — ахнула наивная провинциальная графиня, округлив глаза за перламутровыми стёклами. — Но это же несправедливо!

— Это никого не волнует! — трагически взмахнул рукой Зырич. — Ректор лютует, за малейший взгляд в сторону младших адепток выгоняет из академии! Если кто-то про-

знает, что мы знакомы, меня тут же вышвырнут за ворота, и вся моя жизнь пойдёт прахом! Ты ведь не хочешь погубить моё будущее, Лизонька? Ради нашей любви мы должны соблюдать строжайшую тайну! При людях — ни слова, ни полувзгляда! Делай вид, что видишь меня впервые в жизни!

Лизавета стояла, оглушённая этим потоком красноречия, и пыталась переварить услышанное. Где-то на задворках сознания царапало подозрение, что здесь что-то нечисто, но страх оказаться отвергнутой и потерять последнюю опору в этом мире заставил её проглотить сомнения. Она уже открыла рот, чтобы сообщить возлюбленному о самой главной детали своего маскарада, как тяжёлая дубовая дверь приёмной комиссии со скрипом отворилась.

— Абитуриентка Элизабет Фрош! — зычно провозгласил секретарь на весь коридор. — Прошу в зал для оглашения вердикта!

Лиза вздрогнула, машинально крикнула: «Иду!» — и рванула к выходу из-за колонны, даже не успев взглянуть на Юрака. А тот так и прирос к полу с отвисшей челюстью, ошарашенно переводя взгляд с пустой ниши на серую спину своей летней зазнобы. Какая ещё Элизабет Фрош?!

— Поговорим потом! — сдавленным шёпотом бросил он ей вдогонку, окончательно решив, что девица повредилась рассудком. — И сама меня не ищи, слышишь?! Я сам тебя найду!

Лиза лишь коротко махнула рукой, мол, поняла, и скольз-

нула в приоткрытую дверь.

В это же время с другой стороны коридора ко входу приблизился высокий, широкоплечий мужчина и вошёл в зал вслед за девушкой. Услышав за спиной чужое дыхание и стук каблуков, Лиза невольно посторонилась, подняла голову, и её сердце сделало кульбит почище, чем при встрече с Юраком.

Рядом с ней стоял её ночной избавитель! Тот самый суровый незнакомец из Чёрного бора с густыми тёмными волосами, благородной проседью у висков и тяжёлым, пронизывающим взглядом. При дневном свете он казался ещё более внушительным и грозным, а на левой руке, которой он прикрывал дверь, Лиза заметила белёсый след старого магического ожога. Забыв про все свои треволнения, девушка посмотрела на спасителя с искренней и бесконечно благодарной улыбкой.

Мужчина узнал её. Сурово сдвинутые брови чуть дрогнули, угрюмое выражение лица неуловимо смягчилось, а в глубине тёмных глаз промелькнуло тепло, хотя губы его так и остались сжатыми в ровную линию. Он едва заметно кивнул Лизе, словно подтверждая, что рад видеть спасённую в целости и сохранности.

— А, магистр Вирен! Вы как раз вовремя! — радостно возвестил из-за стола ректор, поднимаясь навстречу вошедшему. — Наслышан о вашем дорожном приключении. Надо будет нашему боевому факультету организовать практику в

лесу — видимо, мы не до конца очистили его от разбойников.

— Абсолютно согласен с вами, господин ректор, — ровно и коротко ответил мужчина, проходя к столу комиссии. Голос у него оказался низким, глубоким, пробирающим до самых кончиков пальцев.

— Мы пригласили вас вот по какому вопросу, — седовласый старец жестом пригласил Лизу подойти ближе, — мы только что рассматривали дело нашей новой адептки. Из-за пережитого потрясения у девушки наблюдается крайняя нестабильность магического резерва и разбалансировка каналов. Посему мы единогласно постановили зачислить её на ваш факультет энергопластики. Более того, дорогой Арсен, учитывая исключительность ситуации, я обязываю вас взять над юной леди личное шефство и проводить дополнительные индивидуальные занятия, дабы вернуть её силу в надлежащее русло. Знакомьтесь: ваша новая подопечная, адептка первого курса — графиня Элизабет Фрош!

Лиза, всё ещё пребывая в тихом восторге от того, что её спаситель оказался магистром этой академии, да ещё и её личным наставником, сделала изящный реверанс и снова подняла сияющий взор на мужчину.

Однако теперь магистр Вирен совершенно иначе смотрел на неё. Из его глаз ушла недавняя теплота, уступив место такой лютой, обжигающей стуже, что в зале, казалось, разом упала температура. Лицо мужчины окаменело, превратившись в непроницаемую маску, желваки на скулах заходи-

ли ходуном, а взгляд, которым он медленно смерил фигуру в сером, мышином платье с головы до ног, налился чистейшим ядом и неприкрытым презрением.

— Вот как… — процедил Арсен Вирен сквозь зубы. — Элизабет Фрош, значит. Какая… восхитительная ирония судьбы. Что ж, господин ректор, можете не сомневаться: я позабочусь об этой адептке со всем возможным усердием. Уверяю вас, графиня, моё шефство вы запомните надолго.

Лиза растерянно хлопала ресницами за стёклами очков, глядя в ледяные глаза своего недавнего героя и совершенно не понимая, какая чёрная кошка только что пробежала между ними, и почему ласковый небесный ангел в одночасье обернулся кровожадным демоном.

Железные пальцы магистра Вирена сомкнулись на локте Лизаветы с такой неумолимой учтивостью, что возразить не представлялось ни малейшей возможности. Сухо поклонившись членам приёмной комиссии и бросив короткое: «С вашего позволения, господа, я немедленно приступлю к исполнению обязанностей», — он развернул подопечную к выходу и буквально выволок её за дверь.

Лиза еле поспевала за его широким шагом, судорожно прижимая к груди возвращённую папку с документами и совершенно не понимая, за какие грехи попала в немилость к своему ночному избавителю. Коридор к этому часу почти опустел, и шаги преподавателя гулко отдавались под сводами. Не говоря ни слова, Арсен затащил девушку в ту же са-

мую нишу за мраморной колонной, где всего несколько минут назад она объяснялась с Юраком, и наконец разжал пальцы.

Отступив на полшага, Вирен навис над ней грозовой тучей. Вблизи его тяжёлый взгляд пробирал до костей, а сквозь стёкла магических очков Лиза видела, как вокруг тёмной фигуры магистра яростно клокочет и плюётся багровыми искрами растревоженная аура.

— Значит, не успокоились, леди Фрош? — зловещим шёпотом процедил он, наклоняясь к самому её лицу. — Решили пойти на таран? Я ведь ясно дал понять вашим опекунам, что расторгаю эту нелепую помолвку! Бумаги об отказе были отправлены месяц назад! Или вы полагали, что если явитесь сюда лично, разыграете спектакль с пробудившимся даром и свалитесь мне на голову в качестве беспомощной адептки, то я проникнусь состраданием и поведу вас под венец?!

У Лизаветы от изумления перехватило дыхание, а глаза за перламутровыми линзами округлились до размеров чайных блюдец.

— Так сильно чешется стать супругой наследника и примерить герцогскую корону? — продолжал ядовито шипеть Арсен, не давая ей вставить ни слова. — Что ж, можете начинать радоваться, дорогая невеста! Ради того, чтобы избавиться от вашего навязанного общества, я пошёл на принцип и официально вышел из рода! Я больше не герцог, у меня нет ни замков, ни сокровищниц, ни титула — только должность

рядового магистра и казённое жалованье. Так что ловить вам здесь решительно нечего!

В голове Лизы наконец-то сошлись воедино разрозненные кусочки головоломки, и от открывшейся истины по спине пробежал ледяной озноб. Важный столичный господин, заочный жених, который был вне себя от ярости и пытался расторгнуть помолвку… Пресвятые угодники! Выходит, её прекрасный ночной ангел-спаситель и есть тот самый несостоявшийся жених покойной Элизабет Фрош?! Вот уж поистине, судьба-злодейка обладает весьма специфическим чувством юмора!

Не дожидаясь ответа от онемевшей девушки, магистр Вирен смерил её напоследок полным презрения взглядом, круто развернулся на каблуках и стремительно зашагал прочь, буквально пылая праведным гневом.

Глава 4

Лизавета ещё с минуту постояла за колонной, приходя в себя от столь бурного натиска и переваривая свалившуюся на неё новость. Сначала в душе шевельнулся привычный страх, но очень скоро его вытеснило врождённое упрямство и здоровое негодование.

— Подумаешь, герцог! — сердито фыркнула она в пустоту коридора, поправляя сбившиеся очки. — Больно надо! Не очень-то и хотелось за тебя замуж выходить, сыч напыщенный!

В самом деле, какое ей дело до матримониальных страхов этого мрачного типа? И чем ему не угодила тихая воспитанница пансиона? Сама Лиза приехала в Академию ради своего ненаглядного Юрака! А магистр Вирен ей совершенно не сдался, и претендовать на его руку и сердце она не собирается даже под страхом смертной казни. Впрочем, как и он на её, что в этой ситуации было исключительно на руку им обоим. Успокоив себя этим железным аргументом, Лиза решительно выбросила грозного преподавателя из головы и отправилась искать женское общежитие.

У входа в жилой корпус её уже поджидал верный Пахом, бережно охранявший снятые с кареты кофры. Узнав, что барышню благополучно зачислили, старик просиял, подхватил тяжёлые чемоданы и, кряхтя, поволок их на второй этаж, ку-

да указала строгая комендантша.

Когда двери комнаты отворились, Лизавета невольно ахнула от восторга. Видимо, опекуны Элизабет, стремясь пустить пыль в глаза аристократическому обществу, или же благодаря тому, что плата была внесена с лихвой за все пять лет, обеспечили сироте поистине графские условия. Вместо тесной кельи на троих соседок девушке достались великолепные одиночные апартаменты: просторная, светлая спальня с широкой кроватью, письменным столом у стрельчатого окна, отдельной умывальной комнатой, отделанной кафелем, и внушительным встроенным гардеробом, способным вместить многочисленные наряды аристократки.

Опустив багаж на пол у стены, Пахом долго мял в руках шапку, не решаясь переступить порог.

— Ну вот и устроились, барышня… то есть, госпожа Элизабет, — тихо проговорил он, глядя на неё с затаённой тоской. — Мне теперь в обратный путь собираться надобно, до поместья добираться да дела скорбные справлять. Вы уж берегите себя тут. И ежели позволите… можно я хоть изредка к вам заглядывать стану? Хоть глазком поглядеть, как вы тут обустроились, гостинца какого привезти…

У Лизы от жалости к одинокому старику защипало в носу. Она шагнула вперёд и тепло сжала его шершавую, натруженную ладонь.

— Ну конечно, Пахом! О чём вы говорите? Я буду ждать вас как родного! Приезжайте обязательно, как только смо-

жете!

Проводив растроганного возницу, Лизавета с головой окунулась в бытовую кутерьму. Остаток дня превратился в бесконечную беготню по хозяйственным подсобным помещениям и канцеляриям. Ей выдали комплекты академической формы, весьма симпатичные тёмно-синие платья с белыми отложными воротничками, которые после траурного гардероба святой Урсулы показались верхом изящества. Так же были выданы комплекты для тренировок, обувь и тёплая одежда на осень и зиму. В библиотеке получила целую гору толстенных учебников по магии и канцелярские принадлежности.

К вечеру ноги у новоиспечённой адептки гудели так, словно она пешком прошла весь путь от тётушкиного дома. Добравшись до общей столовой и ужаснувшись шуму, который производили несколько сотен голодных студиозусов, Лиза благоразумно не стала искать свободное место. Прихватив с раздачи кулёк свежих сдобных булочек и пузатую бутылку вишнёвого компота, она малодушно сбежала в свою тихую обитель, где, наскоро поужинав прямо на кровати, провалилась в глубокий сон.

Утро следующего дня началось со стремительных сборов. Наскоро умывшись, сжевав вчерашнюю булку и облачившись в новенькую форму, Лизавета водрузила на нос неизменные очки и припустила на внутренний плац, где собиралась торжественная линейка по случаю начала учебного го-

да.

Площадь перед главным корпусом гудела как растревоженный улей. Разыскав табличку с надписью «Энергопластика. Первый курс», Лиза радостно устремилась к стайке своих будущих однокурсников, преисполненная самого искреннего желания немедленно завести друзей на ближайшие пять лет. Первой к парням подходить она не решилась и шагнула к девушкам, которые о чём-то тихо переговаривались, хихикая и разглядывая парней.

— Доброе утро! — лучезарно улыбаясь, звонко поздоровалась она.

Однако ответного энтузиазма не последовало. Разговоры мгновенно стихли, и три девицы с немым изумлением медленно повернули головы к запыхавшейся Лизе. Удивление на их лицах тут же сменилось на надменное высокомерие. Оглядев девушку ледяными взглядами с макушки до пят, они синхронно, словно по команде, вздёрнули носы.

— Фи, — достаточно громко, чтобы было слышно в радиусе пяти шагов, протянула высокая блондинка с буклями, отворачиваясь от Лизы. — Вы только взгляните, кто к нам пожаловал. Та самая дефективная из монастыря.

— Ой, точно! — подхватила вторая, жеманно прикрывая рот ладошкой и морща нос. — Мне кузен из старшекурсников рассказывал: вчера в комиссии просто скандал вышел! У неё в бумагах указан второй уровень, а на деле она едва четвёртый наскребла. Да ещё и слепая к потокам, костыли

стеклянные на нос нацепила! И как такую убогую только на наш элитный факультет взяли?

Щёки Лизы мгновенно залились горячим румянцем. Было до слёз обидно в первый же день ни за что ни про что слышать такие слова, но природный оптимизм и здесь взял верх. «Ладно, — мысленно махнула она рукой, отступая на шаг от высокомерных пав, — мало ли какие сплетни ходят! Вот начнём учиться, увидят, что я весёлая и компанейская, и ещё сами дружить прибегут!»

Тем более что в этот самый миг её взгляд выхватил в толпе третьекурсников на другом краю шеренги знакомую светловолосую макушку. Юрак! Парень стоял в окружении приятелей и о чём-то беззаботно хохотал. Сердце Лизы радостно ёкнуло. Забыв обо всех предостережениях, она широко заулыбалась, приподнялась на цыпочки и принялась отчаянно махать возлюбленному рукой.

Улыбка мгновенно сползла с лица Зырича. Побледнев, он испуганно дёрнулся, сделал вид, что у него внезапно развязался шнурок на ботинке, и нырнул за широкие спины хохочущих друзей, напрочь игнорируя знаки внимания.

Рука Лизаветы медленно опустилась. В памяти тут же всплыли его вчерашние прочувствованные речи о лютующем ректоре и трибунале. Девушка грустно вздохнула, ругая себя за несдержанность. На трибуну вышел ректор, и разговоры смолкли. Лизе тоже следовало бы прислушаться к тому, о чём говорит глава академии, но все её мысли крутились

вокруг Юрака и несправедливости, что они не могут показывать свои чувства. Так что она благополучно прослушала долгую и невероятно скучную речь ректора. А затем и напутствия деканов пропустила мимо ушей, то и дело с надеждой и тоской, косясь в сторону третьего курса.

Едва отзвучали последние торжественные аккорды гимна и адептам объявили, что на сегодня они свободны (ибо лекции и занятия начинаются завтра, а текущий день отведён под устройство быта и подготовку к занятиям), как толпа пришла в движение. Лиза растерянно потопталась на месте, не зная, куда себя деть, но в этот момент кто-то весьма бесцеремонно дёрнул её за рукав, утягивая за развесистый куст сирени у края плаца.

Перед ней стоял разъярённый Юрак. Оглядываясь по сторонам с видом заговорщика, он зашипел прямо ей в лицо:

— Ты что творишь, безумная?! Не смей компрометировать меня при всех! Я же понятным языком просил: мы не знакомы! Ты хочешь, чтобы меня сегодня же с волчьим билетом за ворота выставили?!

Сказав это, он даже не дождался её оправданий — нырнул обратно в гущу приятелей и был таков.

Ошеломлённая таким проявлением агрессии, Лиза осталась стоять под кустом сирени, чувствуя, как внутри расползается холодная, липкая пустота. Не о таком она грезила в своих радужных девичьих мечтах, которыми тешила себя по дороге в Академию. Вместо горячих романтических сви-

даний, нежных взглядов и пылких объятий получила лишь раздражение, трусливое шипение и вечно убегающую спину. Это было неправильно, больно и обидно. Хотелось побежать за малодушным возлюбленным, поймать паршивца за шкирку и поговорить начистоту. Но Лизавету останавливало правило академии, по которому его могли выгнать из академии. А она была обижена на Юрака ещё не до такого состояния, чтобы так радикально отомстить ему.

Поскольку знакомство с однокурсниками с треском провалилось, а любимый человек шарахался от неё как от чумной, весь остаток этого бесконечного дня Лиза провела в полном одиночестве в четырёх стенах своей комнаты. Пытаясь заглушить грустные мысли деятельностью, она с остервенением принялась наводить уют: развесила в огромном гардеробе унылые серые платья вперемежку с новой формой, бережно спрятала в самый дальний угол, подаренный Пахомом зелёный, бальный шедевр, расставила по полкам увесистые фолианты и выстроила ровными шеренгами на туалетном столике склянки с зубным порошком и шампунем.

Когда дела закончились, а за окном начали сгущаться сумерки, девушка от скуки взялась за тонкую брошюру в синей обложке, озаглавленную «Свод правил и уложений Королевской Академии Магии». Забравшись с ногами на кровать, она принялась лениво листать страницы, но по мере чтения её брови ползли вверх всё выше и выше.

Раздел о дисциплине и нравственности гласил совершен-

но чётко и недвусмысленно: строжайший запрет под угрозой трибунала и увольнения действительно существовал, но касался он исключительно любовных связей между преподавательским составом и адептами! Что же до самих студиозусов, то устав лишь мягко рекомендовал им «соблюдать приличия», ни словом не обмолвившись о разнице в курсах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.